

УДК 343.2/.7

Сеничева П.В.*Московский государственный университет
приборостроения и информатики***УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ
277, 295 И 317 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ИХ ОХРАНЕ**

Аннотация. В статье дана уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных статьями 277, 295, 317 Уголовного кодекса Российской Федерации. В их числе рассмотрены особенности соотношения, проблемы квалификации указанных смежных составов преступлений и их расположение в Уголовном кодексе. Анализ применения указанных норм в современной российской действительности выявляет правовые противоречия, пробелы и определяет степень действенности характеризующих статей кодекса. Автор предлагает для совершенствования действующего законодательства объединить статьи 277, 295, 317 Уголовного кодекса, изъять их из Раздела X «Преступления против государственной власти» и поместить в Раздел VII «Преступления против личности», таким образом создать единую норму, которая устраним противоречия, логично и в максимальном объеме отразит принципы и основы уголовного законодательства.

Ключевые слова: Уголовный кодекс, преступление, посягательство на жизнь, государственный деятель, общественный деятель.

P. Senicheva*Moscow State University of Instrument Engineering and Computer Science***CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS AND SOME ASPECTS
OF DEFINING CRIMES UNDER ARTICLES 277, 295, 317
OF THE RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL CODE**

Abstract. The article gives a criminal law characteristic of offenses under Articles 277, 295, 317 of the Criminal Code. The author studies the features of correlation and the problems of qualifications of the specified offenses and their location in the Criminal Code. The analysis of modern Russian practice of implementing these norms reveals legal contradictions, gaps and different degrees of efficiency of the articles under study. For improving current legislation the author proposes to merge articles 277, 295, 317 of the Criminal Code, withdraw them from Section X «Crimes against the state» and locate in Section VII «Crimes against person», thus making a single rule that would eliminate contradictions and reflect the principles and foundations of the criminal law rather logically and in full volume.

Key words: Criminal Code, crime, life threat, statesman, public man.

В Уголовном кодексе¹ (УК РФ) статьи 277, 295, 317 имеют определенное юридическое тождество. Разграничение указанных смежных составов преступлений достаточно условно, как в теории, так и на практике возникает множество спорных вопросов и проблем при квалификации. Уголовный кодекс содержит три специальные правовые нормы схожего содержания и структуры, строение данных статей практически идентично, за некоторым исключением. Статьи устанавливают ответственность за посягательство на жизнь лиц, в целях прекращения или воспрепятствования их законной деятельности, либо из мести за такую деятельность, и наказывают данные деяния лишением свободы на срок от 12 до 20 лет с ограничением свободы на срок до 2-х лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью. Составы формальные, т. е. преступное деяние окончено с момента посягательства на жизнь потерпевшего в не зависимости от наступивших последствий, умысел прямой.

Субъектом рассматриваемых составов является лицо, достигшее возраста 16 лет, в соответствии со ст. 20 УК РФ. Объективная сторона всех трех преступлений сформулирована как посягательство на жизнь. Обозначенные составы законодателем были помещены в главу X «Преступления против государственной власти» и имеют единый родовый объект – совокупность общественных отношений, обеспечивающих незыблемость основ конституционного строя и безопасность государства, нормальное

функционирование государственных органов относящихся к различным ветвям государственной власти, а также интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления [11, с. 469]. Исключение составляют видовые и основные непосредственные объекты преступления, категории потерпевших и направление их деятельности, а также формулировка цели преступного деяния, хотя данные различия довольно условны.

Наказание за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность назначается статьей 277 главы 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Видовым объектом законодатель обозначил совокупность общественных отношений, обеспечивающих охрану «столпов» конституционного строя и безопасность государства. Уголовный закон не раскрывает понятия „государственный” и „общественный” деятель, вследствие чего данные понятия носят оценочный характер в правоприменительной практике, так и в теории уголовного права вопрос остается дискуссионным, что поднимает проблемы разграничения смежных составов преступлений, ст. ст. 277, 295, 317 УК РФ.

Так, например, под государственным деятелем Р.Г. Неделин предлагает понимать должностное лицо, занимающее государственную должность в федеральных органах законодательной, исполнительной или судебной власти, органах государственной власти субъектов федерации и осуществляющее

¹ В статье используется Уголовный кодекс Российской Федерации (принят 13.06.1996 г. № 63-ФЗ) в ред. на 23.07.2013 г.

государственные или политические функции (Президент РФ, Председатель правительства, федеральные министры, депутаты Государственной Думы РФ и члены Совета Федерации, Председатели и судьи Конституционного суда РФ, Верховного суда РФ, Высшего Арбитражного суда РФ, Генеральный прокурор РФ, руководители субъектов РФ, прокуроры субъектов федерации и т. д.) [4, с. 17–18]. И.А. Клепицкий в качестве государственного или общественного деятеля рассматривает любое лицо активно участвующее в политической жизни, однако считает, что нельзя относить к числу государственных деятелей лиц, которые не в праве заниматься политической деятельностью (например, судей, прокуроров) [2, с. 486]. А.И. Рарог к государственным деятелям относит руководителей и иных должностных лиц высших органов законодательной, исполнительной и судебной власти и прокуратуры, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ и приводит пример: Президент РФ, депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации РФ, члены Правительства РФ, лица, занимающие аналогичные должности в органах власти субъектов РФ, прокуроры, федеральные судьи, следователи и т. д. [11, с. 477].

Законодатель поместил статью 295 в главу 31 «Преступления против правосудия» УК РФ, статья устанавливает санкцию за посягательство на жизнь лица, участвующего в отправлении правосудия, производящего дознание, осуществляющего предварительное расследование или исполнение судебных актов, а равно и их близких. Видовым объектом данной нормы является совокупность общественных отноше-

ний, обеспечивающих деятельность судебной ветви власти. В круг потерпевших включены лица, участвующие в отправлении правосудия и судопроизводства, а также лица, исполняющие судебные акты, т. е. судья, присяжный заседатель, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, эксперт, специалист, защитник, судебный пристав, судебный исполнитель, иные лица, участвующие в отправлении правосудия, а также и их близкие.

Глава 32 «Преступления против порядка управления», содержит ст. 317, уголовно-правовая норма назначает наказание за посягательство на жизнь осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих, а равно и их близких. Видовым объектом законодатель обозначил совокупность общественных отношений, регулирующих порядок государственного и муниципального управления. Ст. 7 закона «О системе государственной службы Российской Федерации» (от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ, ред. 02.07.2013 г. № 185-ФЗ) дает определение правоохранительной службы как вида федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина, таким гражданам присваиваются специальные звания и классные чины. Военнослужащими признаются потерпевшими

по ст. 317 только в случае осуществления на постоянной или временной основе деятельности по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, т. е. специфика деятельности определенно-го рода войск, а равно ситуация чрезвычайности определяет особенности правового статуса военнослужащего, главным элементом которого является специфика выполняемых государственных функций возложенных на военнослужащего.

Действующее законодательство не раскрывает понятий «общественной безопасности» и «общественного порядка». Понятие безопасности содержалось в Законе РФ от 05.03.1992 г. № 2446-1 «О безопасности», действовавшего до принятия нового Федерального закона от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ. Так, ст. 1 указанного закона определяла «безопасность» как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Несмотря на исключение, суть данного определения сохранена в Указе Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Понятийное содержание общественного порядка на законодательном уровне также отсутствует, определение даются лишь учеными в научных трудах, а также разъяснения по данному вопросу давалось Пленумом Верховного Суда СССР¹.

¹ См. п.5 пп. «а» Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 22.09.1989 г. № 9 «О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей

Категории потерпевших ст. 277, 295, 317 УК РФ перекликаются, и потерпевший может выступать в качестве такого в обозначенных составах, квалификация преступлений в зависимости от направления деятельности потерпевших также достаточно условна и порождает немало сложностей. И действительно, лицо, имея мотив мести, убивает или покушается на убийство судьи, который рассматривал дело с ярко выраженной политической направленностью, а граждане в свою очередь требуют от судей беспристрастности в отправлении правосудия, отсутствия политической направленности в решении суда. Возникает вопрос как в таком случае квалифицировать преступление. Так, в г. Москве было совершено покушение (23.04.2012 г.) на федерального судью Таганского районного суда Елену Иванову, Андрей Бородин размахивая топором перед судьей требовал освободить участниц политически известной панк-группы «Pussy Riot», оказавшихся на скамье подсудимых после организованного «панк-молебна» антиправительственного содержания в Храме Христа Спасителя носившего яркий политический характер. Задержанный уверен в том, что власть в России, и судебную в том числе, «захватили захватчики». 29 декабря 2012 г. Мосгорсуд признал А. Бородина совершившем преступление в состоянии невменяемости, он освобожден от уголовной ответственности и направлен на принудительное лечение [8; 9].

Небезынтересно мнение В.В. Полухина, полагающего, что отправление правосудия – это соблюдение по охране общественного порядка (документ опубликован не был).

правопорядка, тем самым обеспечение общественного порядка. Из этого ученый делает вывод о том, что судебные исполнители, прокурор, следователь, судья, лицо производящие дознание и т. д. выполняют функции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, следовательно, они также могут быть отнесены к потерпевшим в соответствии со ст. 317 УК РФ. В обоснование своего вывода автор приводит следующий пример «лицо, производящее дознание, совершает положенные ему по закону действия с целью раскрытия преступления, то он выполняет, таким образом, функции по сохранению нарушенного в результате преступного деяния статус-кво, т. е. делает все необходимое для обеспечения и сохранения общественного порядка и общественной безопасности. Квалифицированное проведение дознавательных действий, в результате которых виновный предстанет перед судом, а не виновный получит необходимую сатисфакцию, означает ни что иное, как обеспечение общественного порядка. Его обеспечение выражается именно в том, что порок наказывается, а добродетель торжествует...» [10, с. 56–57].

Другой пример пересечение круга потерпевших и направлений их деятельности, так же поднимающего вопрос соотношения смежных составов преступлений. Неустановленные лица (27.08.2013 г.) произвели множественные выстрелы из огнестрельного оружия в автомобиль под управлением Руслана Котиева, в котором следовал Секретарь Совета безопасности Республики Ингушетия Ахмед Котиев, в результате потерпевшие скончались.

Уголовное дело, возбужденно по признакам преступлений, предусмотренных ст. ст. 277, 317, ч.2 222 УК РФ. Основной версией совершения преступления является профессиональная деятельность Ахмета Котиева в должности Секретаря Совета безопасности Республики Ингушетия, в том числе направленная на адаптацию к мирной жизни сдавшихся боевиков [9]. Совет Безопасности Республики Ингушетия был создан в целях реализации полномочий Президента Республики Ингушетия по вопросам защиты прав и свобод человека и гражданина, законности, правопорядка и обеспечения проведения единой государственной политики в области экономической и общественной безопасности в Республике Ингушетия¹. Таким образом, с одной стороны? Ахмет Котиев являлся государственным деятелем субъекта РФ, поскольку занимал государственную должность субъекта РФ, был наделен властными полномочиями в соответствии с законодательством РФ и проводил в жизнь политику государства, субъекта РФ. С другой – Секретарь Совета безопасности Республики Ингушетия, Ахмет Котиев, имевший звание полковника полиции, нес ответственность за обеспечение деятельности и исполнение решений Совета Безопасности, а одной из целей Совета Безопасности является реализация задач в области обеспечения общественной безопасности и разработки мер по

¹ В соответствии с Указом Президента Республики Ингушетия от 24.03.2009 г. № 64 «Вопросы Совета Безопасности Республики Ингушетия» (вместе с «Положением о Совете Безопасности Республики Ингушетия», «Положением об Аппарате Совета Безопасности Республики Ингушетия») с изменениями и дополнениями от 25.05.2009 г. и 31.10.2013 г.

укреплению правопорядка и противодействию преступности в стране, а в соответствии с уже упомянутой ст. 7 ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» к правоохранительной службе относятся также службы и учреждения, осуществляющие функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядку, по борьбе с преступностью.

Обязательным признаком субъективной стороны «посягательств» являются цель и мотив, формулировка мотива едина в обозначенных составах, цели ст. 295 и 317 воспрепятствование законной деятельности, ст. 277 прекращение законной деятельности. По моему мнению необходимо ввести единую целевую формулировку в обозначенных составах, а именно заменить формулировку «в целях воспрепятствования законной деятельности» на «в целях прекращения законной деятельности», поскольку, во-первых, это обеспечит единообразие в толковании и применении, во-вторых, идеальным результатом посягательства для субъекта преступления, указанных составов, является убийство объекта преступления, т. е. умышленное причинение смерти, формулировка «в целях прекращения» однозначно отражает образ идеального результата преступления, сформированного в психике преступника, в отличие от понятия «воспрепятствовать», поскольку обозначенные преступные деяния совершаются только с прямым умыслом. Небезынтересным является мнение И.Г. Неделина, который полагает более уместным использовать термин «прекращение» ст. 277, 295, 317 УК РФ, «воспрепятствование» же, на его взгляд, более уместно использовать в

составах, посягающих на здоровье и телесную неприкосновенность. Однако впоследствии автор предлагает отказаться от данных формулировок, заменив понятием «в связи» [4, с. 21; 5, с. 98-99, 104].

В составах посягательств предусмотренных ст. ст. 296, 317 УК РФ, в отличие от ст. 277, наряду с основными потерпевшими подпадают под данную категорию и их близкие. Полагаем необходимым и справедливым включить в круг потерпевших ст. 277 УК РФ близких лиц государственного или общественного деятеля, поскольку данная категория потерпевших является также наиболее уязвимой и может быть использована преступниками как рычаг давления на государственных и общественных деятелей, учет данной категории потерпевших позволит в полной мере отразить весь спектр охраняемых законом лиц, а также логично согласуется со смежными составами преступлений.

Составы посягательств, предусмотренные ст. ст. 277, 296, 317 УК РФ, являются двубъектными, основным непосредственным объектом законодатель обозначил общественные отношения, обеспечивающие охрану правосудия в ст. 295, в ст. 317 общественные отношения, обеспечивающие охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, в ст. 277 общественные отношения, обеспечивающие охрану политической системы государства, дополнительным объектом в каждом из составов является жизнь лица. С данной постановкой трудно согласиться, поскольку первостепенной задачей законодательства РФ является охрана прав и свобод человека и гражданина, это напрямую

касается и уголовного законодательства, в том числе и структуры Особенной части Уголовного кодекса РФ, в отличие от уже вышеупомянутого советского законодательства, где «во главе угла» стояли преступления против безопасности государства, личность же отдельного человека жертвовалась во имя идеала и интересов государственной машины.

В основе сегодняшнего уголовного законодательства лежит принцип смены приоритетов уголовной охраны с комбинации «государство – право – личность» на «личность – право – государство». Так, в главе второй ст. 2 Конституции РФ провозглашает, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Ст. 64 устанавливает содержание правовых норм второй главы основами правового статуса личности, которые закрепляют фундаментальные принципы взаимоотношений личности и государства, выражают степень развития демократических ценностей. Согласно ч. 2 ст. 1 Уголовного Кодекса РФ, он основывается на Конституции РФ, поскольку Конституция РФ является Основным законом на территории РФ, имеет высшую юридическую силу и прямое действие, поэтому содержание уголовных норм должно полностью соответствовать ее положениям. Так, ст. 2 содержит задачи, иерархично выстроенные по значимости, первостепенной задачей УК РФ обозначена охрана прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, приоритетной задачей законодательства является охрана и защита жизни, здоровья человека, его прав,

свобод и законных интересов, вследствие чего Особенная часть Уголовного кодекса открывается VII Разделом «Преступления против личности» Главой 16 «Преступления против жизни и здоровья». Прошло не мало времени, прежде чем в современной России был достигнут более или менее разумный баланс между правами человека и интересами государства. Однако и на сегодняшний день еще остались острые явления прошлых лет.

Позволим себе согласиться с мнением Т.Н. Нуркаевой, которая отмечает то, что выделение в двуобъектных составах преступлений, предусмотренных ст. 277, 295 и 317 УК РФ в качестве основного объекта основы конституционного строя и безопасности государства, интересы правосудия, порядок управления, а дополнительного право на жизнь, и нахождение их в соответствии с основным объектом посягательства в главе X Особенной части, является отголосками прежнего подхода к оценке системы ценностей, охраняемых уголовным законом, так как интересы органов власти и управления (исключение – безопасность государства в целом) не могут быть по своей значимости выше жизни лица, принадлежащего по роду своей деятельности к той или иной системе органов власти и управления. Жизнь данного лица необходимо рассматривать в качестве основного объекта, что и должно определять место этой нормы в системе Особенной части УК [6, с. 148–151].

Действительно, при установлении принципа первостепенной защиты человеческой жизни, жизнь человека не логично и противоречиво выносить в качестве дополнительного объекта,

поскольку усиление ответственности в данном случае, на наш взгляд, происходит вследствие одновременного воздействия на два объекта, однако основным должна выступать жизнь лица, все остальное – дополнительным.

Интересно мнение Л.В. Лобановой, которая подвергает сомнению правильность выбора законодателем места расположения ст. ст. 277, 295, 317, по ее мнению логичнее было бы их помещение в главу 16 «Преступления против жизни и здоровья. Жизнь судьи и других лиц...», – пишет Любовь Валентиновна, – должна защищаться особым образом не только потому, что она является непосредственным условием осуществления определенного рода деятельности, но и потому, что итог последней способен вызвать недовольство отдельных людей, чьи интересы противоречат интересам правосудия» [3, с. 50]. Подобный подход представляется верным автору и в соответствии с ценностной иерархией объектов уголовно-правовой охраны. В качестве одного из примеров Лобанова и Нуркаева приводят Уголовный кодекс Франции, где при наличии главы «О посягательствах на деятельность суда» норма, предусматривающая санкцию за умышленное убийство магистрата, судьи, адвоката какого-либо должностного лица системы правосудия и подобных им лиц, помещена законодателем в первую главу «О посягательствах на жизнь человека» [3, с. 50-52; 6, с. 150–151].

По образному выражению Е.В. Благова «если вспомнить отраженную в ч. 2 ст. 2 УК РФ триаду ценностей, охраняемых уголовным законом, – человек, общество, государство <...> От

чего нужно защищать государство? От посягательств на его интересы. Стало быть, интересы государства вот столбовая дорога уголовно-правовой охраны государства. Все остальное в разделе X УК РФ – либо частности, либо издержки нарушений правил законодательной техники..» [1, с. 4]. Таким образом, на основании всего вышеизложенного, целесообразно создать единую норму, которая устранит указанные противоречия, логично и в максимальном объеме отразит принципы и основы уголовного законодательства. Сведение всего вышеизложенного позволяет предложить объединить статьи 277, 295 и 317 воедино, изъять их из Раздела X «Преступления против государственной власти» и поместить в Раздел VII «Преступления против личности» сразу за ст. 105.

Что касается принципа равенства перед законом, то он не в коей мере не умаляется, поскольку в данном случае значение для квалификации будет иметь наличие дополнительного объекта, т. е. санкция ужесточается при отягчающих (квалифицирующих) обстоятельствах. Основным непосредственным объектом будет являться жизнь человека, дополнительным – общественные отношения, обеспечивающие охрану: политической системы государства, его конституционных институтов, правосудия, общественного порядка и обеспечивающие общественную безопасность. Формулировку ст. 295 и 317 «в целях воспрепятствования законной деятельности» заменить на «в целях прекращения законной деятельности», ответственность за посягательства предлагаем снизить 16 лет до 14 лет,

что будет закономерным в связи с объединением указанных составов преступлений и помещением в главу 16 «Преступления против жизни и здоровья» и позволит избежать дисбаланса и непоследовательности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Благов Е.В. Преступления против государственной власти, военной службы, мира и безопасности государства: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 200 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. И.А. Клепицкого, 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2012. – 608 с.
3. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: дис.... доктора юрид. наук. – Казань, 2000. – 305 с.
4. Неделин Р.Г. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 27 с.
5. Неделин Р.Г. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 194 с.
6. Нуркаева Т.Н. Уголовно-правовая охрана личных (гражданских) прав и свобод человека (вопросы теории и практики): дис... доктора юрид. наук. – Казань, 2006. – 396 с.
7. Напавшего с топором на судью в Москве отправили в психбольницу // Российская газета. – 2013. – 25 февр.
8. В суд с топором // Российская газета. – 2012. – 23 апр.
9. Установлены лица, причастные к посягательству на жизнь Секретаря Совета безопасности Республики Ингушетия Ахмета Котиева и сотрудника полиции Руслана Котиева [Электронный ресурс] / Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации [сайт]. – URL: <http://www.sledcom.ru/actual/351973/> (дата обращения: 18.05.2014 г.)
10. Полухин В.В. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 146 с.
11. Российское уголовное право (Особенная часть): в 2 т. Т. 2 / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2008. – 664 с.